

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
18 July 2024
Russian
Original: English

Семьдесят девятая сессия

Пункт 71 b) предварительной повестки дня*

Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод

Свобода религии или убеждений

Записка Генерального секретаря

Генеральный секретарь имеет честь препроводить членам Генеральной Ассамблеи промежуточный доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений Назилы Ганеа, представленный в соответствии с резолюцией [78/212](#) Генеральной Ассамблеи.

* [A/79/150](#).

**Промежуточный доклад Специального докладчика
по вопросу о свободе религии или убеждений
Назилы Ганеа**

Мир и свобода религии или убеждений

Резюме

В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о свободе религии или убеждений Назила Ганеа рассматривает взаимосвязь между правами на мир и на свободу религии или убеждений. Одно из важных замечаний, сделанных в докладе, заключается в том, что свобода религии или убеждений способствует формированию условий, мотивации, аргументации и движений в интересах установления мира, помогая предотвращению конфликтов, миротворчеству и миростроительству.

I. Введение

1. Насущная необходимость мира глубоко и болезненно ощущается во всем мире. Миллионы людей во всем мире прекрасно понимают, что их способность пользоваться правами человека в значительной степени зависит от наличия мира, что насилие и война ведут к обращению вспять завоеваний в области прав человека и что права человека способствуют миру. Мир становится все более жестоким. Согласно данным, число конфликтов увеличилось на 40 процентов по сравнению с 2020 годом, и каждый шестой человек живет в зоне активного конфликта¹. Сейчас, когда все большее число людей во всем мире страдает от конфликтов, самое время обратить внимание на взаимосвязь вопросов мира с вопросами свободы религии или убеждений.

2. Права человека и мир рассматриваются совместно в Уставе Организации Объединенных Наций. Сама цель Организации Объединенных Наций, изложенная в статье 1 Устава, включает поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между народами, обеспечение согласованности действий различных стран, осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем и «поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех» без каких-либо различий². Поэтому с самого основания Организации Объединенных Наций мир и права человека, включая свободу мысли, совести и религии (свободу религии или убеждений), были признаны основополагающими для Организации.

3. Цель настоящего доклада заключается в том, чтобы обратить внимание на взаимосвязь между правами на мир и на свободу религии или убеждений. Одно из важных замечаний, сделанных в докладе, заключается в том, что свобода религии или убеждений способствует формированию условий, мотивации, аргументации и движений в интересах установления мира, помогая предотвращению конфликтов, миротворчеству и миростроительству. Признание этой взаимосвязи особенно важно с учетом того, как часто религия становится поводом к конфликтам или затрагивается в контексте конфликтов.

II. Нормативная база права на мир

4. Право на «мир» (рассматриваемое в настоящем докладе через противопоставление насилию, конфликтам и войне) и культура мира стоят на повестке дня Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека уже около 40 лет.

5. В 1984 году Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о праве народов на мир, в которой признала, что обеспечение мирной жизни для народов является священным долгом каждого государства, и торжественно провозгласила, что народы нашей планеты имеют «священное» право на мир³.

¹ Armed Conflict Location and Event Data Project, Conflict Index, updated January 2024 (проект по сбору данных о географии вооруженных конфликтов и связанных с ними событиях, информация обновлена в январе 2024 года). Доступно по адресу <https://acleddata.com/conflict-index>. См. также заявление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 18 июня 2024 года на пятьдесят шестой сессии Совета по правам человека. Доступно по адресу www.ohchr.org/ru/statements-and-speeches/2024/06/we-must-urgently-find-our-way-back-peace-says-high-commissioner.

² Устав Организации Объединенных Наций, ст. 1.

³ Резолюция 39/11 Генеральной Ассамблеи, приложение, шестой пункт преамбулы и п. 1 постановляющей части.

6. Пятнадцать лет спустя в своей резолюции [53/243](#) о Декларации и Программе действий в области культуры мира Генеральная Ассамблея признала взаимосвязь между миром, свободой религии или убеждений и недопущением дискриминации по признаку религии или убеждений. Она отметила необходимость ликвидации всех форм дискриминации и нетерпимости⁴, полного уважения и поощрения всех прав и свобод человека⁵, а также продвижения идеалов взаимопонимания, терпимости и солидарности между народами и культурами, в том числе по отношению к религиозным меньшинствам⁶, и признала ключевую роль гражданского общества в формировании и утверждении культуры мира.

7. В 2016 году Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о праве на мир, в которой она напомнила о необходимости активизации международных усилий по налаживанию глобального диалога в целях поощрения культуры терпимости и мира на всех уровнях на основе соблюдения прав человека и уважения разнообразия религий и убеждений. Ассамблея также подчеркнула, что «мир является крайне важным требованием для поощрения и защиты всех прав человека для всех»⁷. Она признала, что право на мир включает в себя поощрение и защиту всех прав человека для каждого человека, связала право на мир с равенством, недопущением недискриминации и развитием, а также признала гарантию «свободы от страха и нужды в качестве средства укрепления мира внутри обществ и между ними»⁸.

8. В 2024 году Совет по правам человека в своей резолюции [55/17](#) признал, что развитие культуры мира неразрывно связано с уважением к продвижению идеалов взаимопонимания, терпимости и солидарности между всеми цивилизациями, людьми и культурами, в том числе по отношению к лицам, принадлежащим к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Кроме того, он призвал все государства обеспечить, чтобы все люди, включая тех, кто принадлежит к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, имели возможность вносить свой вклад в поощрение и укрепление культуры мира.

9. Эти нормативные изменения, касающиеся культуры мира и права на мир, в значительной степени перекликаются с признанием значимости мира в документах, касающихся свободы религии или убеждений.

10. В преамбуле Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года Генеральная Ассамблея признала, что «игнорирование и нарушение прав человека и основных свобод, в частности права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества» и что свобода религии или убеждений должна «содействовать достижению целей всеобщего мира, социальной справедливости и дружбы между народами»⁹.

11. Взаимосвязь между правом на мир и правом на свободу религии или убеждений, а также индивидуальные и коллективные аспекты права на мир и «права человека на мир» отмечались в нескольких докладах мандатария¹⁰. Вопрос состоит в том, как наилучшим образом обеспечить понимание этого вопроса.

⁴ Резолюция [53/243](#) Генеральной Ассамблеи, седьмой пункт преамбулы.

⁵ Там же, статьи 1 с) и 3 с).

⁶ Там же, ст. 3 m).

⁷ Резолюция [71/189](#) Генеральной Ассамблеи, второй пункт преамбулы.

⁸ Там же, приложение, ст. 2.

⁹ Резолюция [36/55](#) Генеральной Ассамблеи, пп. 3 и 6 преамбулы.

¹⁰ [E/CN.4/1997/91](#), п. 90; [E/CN.4/1998/6](#), п. 114; и [A/55/280](#), п. 136. См. Michael Wiener, “The missing link between the right to peace and conscientious objection to military service”

12. В Уставе Организации Объединенных Наций признается, что свобода, мир и безопасность и развитие составляют три основных направления деятельности Организации Объединенных Наций. В статье 1 признается, что для поддержания международного мира и безопасности требуется не только предотвращать и устранять угрозы миру, но и уважать права человека без каких-либо различий. Во многих последующих документах также определялось, что подразумевается под словом «мир». В Декларации и Программе действий в области культуры мира Генеральная Ассамблея отметила, что мир — это не просто отсутствие конфликтов, а позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс, в котором поощряется диалог и урегулируются конфликты в духе взаимопонимания и сотрудничества¹¹.

13. Таким образом, мир — определяется не только через отрицание, но и через утверждение: отрицание в смысле отсутствия прямого насилия, но и утверждение в смысле гораздо более широкой концепции, включающей отсутствие косвенного или структурного насилия¹².

14. По мере того как расширялись определения мира, расширялись и определения понятий безопасности¹³ и суверенитета¹⁴. По сути, в ряде докладов было конкретизировано и повторено, что основное разумное основание существования государств и их обязанность, а также смысл их суверенитета заключается в защите их населения¹⁵. Это более широкое понимание также нашло отражение в том, как Совет Безопасности видит свою собственную роль в поддержании международного мира и безопасности путем содействия привлечению виновных к ответственности и отправлению правосудия.

15. Несмотря на расширение роли Совета Безопасности в защите прав человека на протяжении десятилетий, она по-прежнему «понимается узко», поскольку включает «грубые и систематические нарушения прав на физическую неприкосновенность, доходящие до уровня массовых злодеяний — геноцида, этнических чисток, военных преступлений и преступлений против человечности. Только там, где международная безопасность и права человека пересекаются, последним удастся проникнуть в повестку дня Совета»¹⁶. Другими словами, речь должна идти о серьезных «нарушениях прав на физическую неприкосновенность»¹⁷. С 1992 года в резолюциях Совета все чаще встречаются ссылки на положение членов общин меньшинств, а также на нарушения прав человека, совершаемые как правительствами, так и негосударственными вооруженными группами, в том числе во имя религии¹⁸.

in *A Missing Piece for Peace*, Michael Wiener and David Fernández Puyana, eds. (San José, University for Peace Press, 2022), sect. 3 (f). URL: www.upeace.org/wp-content/uploads/2024/01/Wiener-and-Fernandez-A-Missing-Piece-for-Peace.pdf.

¹¹ Резолюция 53/243 Генеральной Ассамблеи, четвертый пункт преамбулы.

¹² Johan Galtung, “Violence, peace and peace research”, *Journal of Peace Research*, vol. 6, No. 3 (1969), note 31.

¹³ Этот аспект подробнее обсуждается ниже.

¹⁴ *The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty* (2001). URL: <https://idrc-crdi.ca/en/book/responsibility-protect-report-international-commission-intervention-and-state-sovereignty>.

¹⁵ A/59/2005, п. 135.

¹⁶ Carrie Booth Walling, “The United Nations Security Council and human rights”, *Global Governance*, vol. 26, No. 2 (2020), p. 293.

¹⁷ Susan Hannah Allen and Sam R. Bell, “The United Nations Security Council and human rights: who ends up in the spotlight?”, *Journal of Global Security Studies*, vol. 7, No. 4 (December 2022), p. 12.

¹⁸ Nazila Ghanea and Michael Wiener, “Freedoms of thought, conscience, religion or belief at 75” in *Shaping a World of Freedoms: 75 Years of Legacy and Impact of the Universal Declaration of*

16. Совет Безопасности повысил свою роль в области прав человека путем создания комиссий по расследованию, учреждения международных судов и трибуналов и передачи им дел, использования военной силы в целях защиты гуманитарных прав и прав человека, а также интеграции вопросов прав человека в миротворческие операции¹⁹.

17. Концепция «всеобъемлющей безопасности» Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) предлагает более широкое понимание безопасности, охватывающее три взаимодополняющих измерения: военно-политическое, экономико-экологическое и человеческое, причем каждое измерение считается «одинаково важным»²⁰. Эта модель понимается как «всеобъемлющая, кооперативная, справедливая, неделимая и основанная на правах человека». Цель 16 в области устойчивого развития также носит широкий характер, призывая государства к «построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечению доступа к правосудию для всех и созданию эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях».

18. Именно исходя из такого более широкого понимания в настоящем докладе рассматривается вопрос о том, как свобода религии или убеждений способствует укреплению мира.

III. Религия, мир и конфликты

19. Необходимость одновременно содействовать установлению мира и поощрять свободу религии и убеждений как двух компонентов, являющихся неотъемлемыми частями друг друга, признана в многочисленных документах, включая Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений²¹, Декларацию о праве на мир 2016 года²² и Бейрутскую декларацию «Вера за права человека» 2017 года²³.

20. В этих документах признается, что мир должен основываться на уважении свободы религии и убеждений и уважении разнообразия религий и убеждений. В них также признается, что реализация прав религиозных или мировоззренческих меньшинств способствует «укреплению дружбы, сотрудничества и мира между народами и государствами»²⁴. Однако положительная связь между миром и свободой религии и убеждений зависит от других факторов. В этих документах утверждается, что свобода религии или убеждений «должна» способствовать достижению мира во всем мире и что религия или убеждения «не должны» становиться объектами использования или злоупотребления в целях, несовместимых с Уставом, а значит, и с миром.

Human Rights (New York, 2023), p. 9. URL: <https://unequal.world/wp-content/uploads/2023/12/Shaping-a-World-of-Freedoms-75-Years-of-Legacy-and-Impact-of-the-Universal-Declaration-of-Human-Rights.pdf>. См. также Mark Klamburg and others, “Tempering the Security Council’s expanded perception of threats to the peace”, *Nordic Journal of International Law*, vol. 93, No. 2 (June 2024).

¹⁹ Walling, “The United Nations Security Council and Human Rights”, pp. 294–299.

²⁰ OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights, *Freedom of Religion or Belief and Security: Policy Guidance* (Warsaw, 2019), p. 9.

²¹ Резолюция 36/55 Генеральной Ассамблеи, пятый пункт преамбулы.

²² Резолюция 71/189 Генеральной Ассамблеи, тридцать четвертый пункт преамбулы.

²³ A/HRC/40/58, приложение I, п. 7, и приложение II; см. также пособие #Faith4Rights toolkit, p. 10, URL: www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Press/faith4rights-toolkit.pdf.

²⁴ Резолюция 71/189 Генеральной Ассамблеи, тридцать четвертый пункт преамбулы.

21. Было опубликовано много исследований, посвященных вопросу взаимосвязи между религией и миром. Что касается того, способствует ли религия войне или миру, то уже давно признается, что религия «амбивалентна» в этом вопросе²⁵. «Ни религия, ни религиозная воинственность сами по себе не являются источником смертоносных конфликтов»; на самом деле «не прибегающий к насилию «борец за мир» может быть более влиятельным в долгосрочной перспективе, чем религиозный экстремист»²⁶. Отмечается, что религия по своей сути не является ни «опасной», ни «вредной» и что в действительности «насилие является исключением, когда речь идет о религиозных традициях»²⁷.

22. Несмотря на свою амбивалентность и даже благодаря ей, «религия позволяет политическим акторам использовать ее в качестве средства узаконивания кампаний агрессии»²⁸, организованного насилия и войны как государственными, так и негосударственными субъектами. Когда религия служила таким средством легитимизации, она в основном играла свою роль в сочетании с «социально-экономическими и политическими факторами, которые способствовали принятию решения прибегнуть к насилию»²⁹.

23. Факторы, которые «приводят к использованию религии для оправдания конфликта»³⁰, могут быть внешними по отношению к соответствующей религиозной общине и/или связаны с факторами, являющимися внутренними по отношению к соответствующим религиозным лидерам, интересам и общинам.

24. Другими словами, религия может вдохновлять и использоваться для продвижения принципов ненасилия, разрешения конфликтов и установления мира или же использоваться для пропаганды насилия, развязывания конфликтов и войн.

25. Тем не менее «религиозно мотивированное насилие по большей части более смертоносно, чем насилие, для оправдания которого используются другие средства»³¹. Нельзя игнорировать данные исследований, лежащие в основе наблюдения о том, что религия «играет роль в поразительно большой процентной доле гражданских войн и террористических актов» и что религия не только делает такое насилие «более смертоносным, но [также] делает более трудной задачу долговременного прекращения такого насилия»³².

26. Исследования показывают, что «государственная стратегия, заключающаяся в выборе между изоляцией и репрессиями в отношении меньшинств, с одной стороны, и предоставлением им необходимых условий, с другой, является ключевым фактором, определяющим вероятность того, что религиозный раскол станет организующим принципом для насилия»³³. Отмечалось, что именно в условиях государственных репрессий маркеры религиозной идентичности приобретают особую значимость и могут восприниматься как тождественные «отсутствию

²⁵ R. Scott Appleby, "Religion and global affairs: religious 'militants for peace'", SAIS Review, vol. 18, No. 2 (Summer-Fall 1998). См. также Erin Wilson, Religion and World Politics: Connecting Theory with Practice (Routledge, 2023).

²⁶ Monica Duffy Toft, "Religion, terrorism and civil wars" in *Rethinking Religion and World Affairs*, Timothy Shah, Alfred Stepan and Monica Duffy Toft, eds. (Oxford University Press, 2012), p. 127.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., p. 142.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid., p. 127.

³² Ibid., p. 142.

³³ Ragnhild Nordås, "Religious demography and conflict: lessons from Côte d'Ivoire and Ghana", *International Area Studies Review*, vol. 17, No. 2 (June 2014), p. 160.

законных притязаний на гражданство, землю, работу и безопасность»³⁴. Не существует «однозначного, исконного пути от демографического разнообразия к войне, но... репрессии могут подстегнуть гражданскую войну»³⁵.

27. В контексте дискриминации и нетерпимости на основании религии или убеждений мандатарий уже давно отметил, что такие дискриминация и нетерпимость являются результатом сочетания «множества факторов экономического, социального, политического и культурного характера, являющихся следствием сложных исторических процессов», а также «догматической или сектантской непримиримости»³⁶. Риск такой непримиримости возрастает там, где репрессии остаются без внимания, а государство не выполняет свои обязанности по борьбе с ними.

28. Это говорит о многослойности факторов, которые приводят к решению прибегнуть к насилию. Религия редко выступает в качестве самостоятельного фактора, скорее в сочетании с другими факторами и претензиями. Когда против какой-либо группы проводится целенаправленная репрессивная государственная политика, возникают связи, повышающие сплоченность членов этой группы, и эти общие обиды могут привести к мобилизации и росту несогласия — и следовательно, к тому, что «религиозный раскол станет организующим принципом для насилия» или даже перерастет в насилие, конфликт или войну³⁷.

29. Также следует отметить, что «опыт режима, связанный с участием в религиозных конфликтах, приведет к тому, что он будет более репрессивным по отношению к религиозным группам»³⁸. В совокупности эти выводы говорят о том, что после конфликта, в который была вовлечена религия, скорее всего, последуют преследования на религиозной почве, создавая цикл ограничений свободы религии или убеждений, что, в свою очередь, чревато возникновением новых конфликтов в будущем.

30. Бывший специальный докладчик Хайнер Билефельдт описал, какие формы может принимать такое насилие. Насилие во имя религии «может иметь форму целенаправленных нападений на лиц или общины, общинного насилия, нападений террористов-смертников, террористических актов, государственных репрессий, дискриминационных политики или законодательства и других видов агрессивного поведения. Кроме того, такое насилие может быть укоренено и увековечено в качестве статус-кво в различных формах структурного насилия, оправдываемого религией».³⁹ Что касается акторов, совершающих такие деяния, то они могут включать различные виды негосударственных субъектов, в том числе вооруженные группы и народные дружины, а также государственные органы или сочетание вышеуказанных типов акторов⁴⁰. Об этом можно судить по целому ряду недавних примеров писем с информацией о предполагаемых нарушениях, которые были направлены нынешним мандатарием и другими специальными докладчиками и в которых обращается внимание на точно такие же причины для озабоченности⁴¹. Кроме того, в числе недавних примеров — насилие или потенциальная

³⁴ Ibid., p. 161.

³⁵ Ibid.

³⁶ A/HRC/13/40, п. 43.

³⁷ Nordâs, “Religious demography and conflict”, p. 160.

³⁸ Peter S. Henne and Jason Klocek, “Taming the gods: how religious conflict shapes State repression”, *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, No. 1, p. 112.

³⁹ A/HRC/28/66, п. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Например, после принятия резолюции 49/5 Совета по правам человека (31 марта 2022 года). УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Бразилии (BRA 2/2023 (ответы правительства получены 10 и 21 июля и 29 августа 2023 года)); Китая

угроза насилия в результате выдворения лиц, спасающихся от религиозных преследований⁴², стигматизация в риторике государственных органов и в народном сознании⁴³, а также случаи, когда вандализм, захват земель или угроза безопасности исходят от самих государственных органов⁴⁴.

31. Нынешний мандатарий регулярно использует выражение «дискриминация и насилие во имя религии» и отличает его от «дискриминации и насилия на почве религии или убеждений». Предыдущий мандатарий определял первое понятие как дискриминация и насилие, «связанные или ассоциируемые с религиозными догматами лица, совершающего такие деяния», а второе — как дискриминация и насилие, «связанные с религиозной принадлежностью жертвы»⁴⁵.

32. Вместе с тем другим аспектом этого разграничения является вопрос о том, кто определяет, является ли то или иное деяние «обусловленным» религией или убеждениями или же оно ложно выдается за совершаемое на основании религии или убеждений. Определение того, является ли тот или иной акт действительно «религиозным» по своему характеру, имеет большое политическое значение.

33. Мандатарий должен помнить о том, что его не следует рассматривать в качестве арбитра, определяющего, какое насилие, какой конфликт или какая война «обусловлены» религией, а какие — просто «совершаются во имя религии». Не стоит забывать, что мандатарий отвечает за вопросы прав человека, а не за религиозоведческую экспертизу или вынесение определений в отношении всех религий или мировоззренческих систем. Кроме того, как мандатарий специальных процедур, назначенный Советом по правам человека, мандатарий принципиально и безоговорочно выступает за права человека и мир для всех.

34. В то же время, если подойти к этому вопросу со всей ответственностью, то нельзя полностью исключать какую-либо возможную связь с религией. Нынешний мандатарий отмечает, что «насильственные акты нельзя приписывать религиям в целом или какой-либо конкретной религии», однако «действия человека мотивированы различными факторами, в том числе религиозными»⁴⁶. К сожалению, очевидно, что «существуют религиозные фанатики, которые, как представляется, убеждены в том, что в совершении актов пыток или убийства других

(CHN 8/2023 (ответ правительства получен 31 августа 2023 года) и CHN 12/2022 (ответ правительства получен 7 марта 2023 года)); Индии (IND 9/2023 (ответ правительства получен 25 октября 2023 года), IND 8/2023, IND 9/2022 и IND 5/2022); Ирана (Исламская Республика Иран) (IRN 27/2022 (ответ правительства получен 25 мая 2023 года) и IRN 15/2022 (ответ правительства получен 9 марта 2023 года)); Израиля (ISR 8/2022); Нигерии (NGA 1/2023); Никарагуа (NIC 2/2023); Пакистана (PAK 4/2023 и PAK 2/2023); Сомали (SOM 4/2022); и Вьетнама (VNM 2/2023). См. также сообщение OTH 108/2022, направленное Хану Муттаки (ответ получен 12 января 2023 года).

⁴² УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Бангладеш (BGD 5/2023); Китая (CHN 12/2022 (7 марта 2023 года получен ответ правительства, содержащий ссылку на дальнейшее сообщение CHN 7/2017, ответ правительства на которое был получен 19 сентября 2017 года)); Египта (EGY 10/2017 (ответ правительства получен 15 сентября 2017 года) и EGY 4/2022)); Японии (JPN 1/2023 (ответ правительства получен 11 октября 2023 года)); Франции (FRA 2/2022 (ответ правительства получен 7 июля 2023 года)); Пакистана (PAK 11/2023); Таиланда (THA 2/2024 (ответ правительства получен 27 февраля 2024 года) и THA 2/2022 (ответ правительства получен 2 ноября 2022 года)); и Турции (TUR 3/2023 (ответ правительства получен 8 августа 2023 года)).

⁴³ УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Японии (JPN 1/2024 (ответ правительства получен 27 июня 2024 года)); Кыргызстана (KGZ 4/2021); Никарагуа (NIC 2/2023); Пакистана (PAK 2/2023).

⁴⁴ УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Бангладеш ((BGD 1/2022); Гватемалы (GTM 8/2022); Индии (IND 5/2022); Пакистана (PAK 2/2022).

⁴⁵ A/HRC/13/40, резюме.

⁴⁶ A/HRC/28/66, п. 18.

людей состоит их служение Богу», и у таких религиозных фанатиков «могут быть почитатели и сторонники в их общинах, которые ошибочно считают насилие проявлением безоговорочной преданности их религиозным убеждениям»⁴⁷. Отрицание этой реальности будет означать уклонение от возникающих обязанностей и ответственности, а также от шагов, которые можно предпринять для эффективного решения этой проблемы. Государства должны в полной мере уважать свободу религии или убеждений для всех, привлекая к ответственности тех, кто виновен в нарушениях или преступлениях, совершенных во имя религии или убеждений. Кроме того, «религиозные общины и их лидеры, включая теологов различных вероисповеданий, должны решить эту проблему, опираясь на подробный анализ лежащих в ее основе причин, включая ограниченные и полярные интерпретации религиозных идей»⁴⁸.

35. Признание роли религии в призывах⁴⁹ к конфликту, насилию и войне и их продолжении в данном контексте не означает одобрения использования религии в таких целях и не предполагает, что та или иная религия или система убеждений по своей сути или в обязательном порядке является насильственной. Это просто признание того, что «религия» фактически была задействована в целях оправдания насилия, конфликта или войны в конкретное время и в конкретном контексте.

36. Исследования показывают, что при обсуждении «действительной важности религии для терроризма (в отличие от использования религии в качестве инструмента)» мы не можем «ни отрицать важность религии в действиях религиозных террористов, ни возлагать вину за совершаемое ими насилие на всю религиозную традицию»⁵⁰. Возвращаясь к проблеме «амбивалентности» религии или убеждений, следует отметить, что, хотя религия может подталкивать людей к насилию, конфликту и войне и использоваться в этих целях, она также может стимулировать людей к достижению противоположных целей и использовать в противоположных насилию интересах. Очень важно понять, когда и как религия может быть задействована таким образом, чтобы уводить от негативных целей и стремиться к позитивным.

37. Можно соотнести разнообразие религий и убеждений с риском возникновения конфликтов; однако такое представление крайне ошибочно. Исследователи отмечают, что дело не в разнообразии, будь то культурное или религиозное, а в том, «какие меры принимаются в связи с таким разнообразием на политическом уровне»⁵¹. Как неоднократно отмечалось нынешним и предыдущими мандатариями, «религиозная нетерпимость не является результатом естественного развития многокультурных обществ, а зачастую представляет собой результат манипуляции со стороны отдельных групп или лиц»⁵². В руководящих принципах своего Призыва к действиям в области прав человека Генеральный секретарь отмечает, что человеческое многообразие должно рассматриваться как преимущество, а не как угроза, а к религиозному и культурному разнообразию необходимо относиться с полным уважением, а не просто терпимо⁵³.

38. Поддерживая свободу религии или убеждений, государство позволяет праву на свободу мысли, совести, убеждений и религии иметь его

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Подробную дискуссию на эту тему см. на веб-сайте www.toaep.org/ps-pdf/41-bergsmanocha.

⁵⁰ Toft, "Religion, terrorism and civil wars" (see footnote 26), p. 141.

⁵¹ Nordås, "Religious demography and conflict", p. 161.

⁵² [A/HRC/13/40](http://www.unhcr.org/refugees/article/4a694000.html), п. 48.

⁵³ #Faith4Rights toolkit, p. 12.

предусмотренный «весьма широкий и глубокий» характер и тип воздействия⁵⁴. Эта свобода позволяет людям оставаться верными своей совести, будь то в стремлении сохранить связь с традицией своих предков⁵⁵ или при принятии новой религии или убеждений. Такая тесная связь между совестью и религией или убеждениями означает, что лица, принадлежащие к религиозным или мировоззренческим меньшинствам, не просто считаются таковыми⁵⁶, а являются меньшинствами в силу самоидентификации и сделанного ими выбора сохранять свои характеристики. Их выбор может быть пассивным или активным — может являться результатом принятия сложившейся ситуации или активного поиска. Характер выбора каждого конкретного человека определяется его совестью, но для того, чтобы сделать этот выбор возможным, необходимо создать благоприятные условия, для которых требуется, как минимум, чтобы государства не нарушали эту свободу, а негосударственные субъекты не вмешивались в нее⁵⁷.

39. Обеспечение возможности для свободы совести, как того требует право на свободу религии или убеждений, также освобождает сознание от манипуляций, поляризации и инструментализации. Именно от этого зависит вопрос о том, будет ли население вовлечено в призывы к легитимизации войны или будет располагать необходимой свободой, чтобы стать «борцами за мир»⁵⁸.

40. Такое освобождение совести подразумевает не только позитивные обязательства со стороны государства, но и ответственность на уровне общества и общины. Свобода религии или убеждений характеризуется как имеющая внутреннее измерение (*forum internum*) и внешнее измерение (*forum externum*)⁵⁹. Внутреннее измерение (*forum internum*) связано с правом иметь, принимать и менять воззрения, моральные установки, религию или убеждения, которые могут быть теистическими, нетеистическими, атеистическими или иными⁶⁰; внешнее измерение (*forum externum*) связано с правом демонстрировать свою религию или убеждения, в том числе в сообществе с другими людьми и публично. Оба эти понятия подразумевают свободу толковать, понимать и тем самым проявлять свою религию или убеждения. Хотя воззрения, моральные убеждения и религия могут основываться на воззрениях и убеждениях других людей и даже могут быть в значительной степени сформированы по ассоциации с другими людьми, в конечном счете они определяются собственным сознанием и пониманием человека. Этому пониманию способствует осуществление других прав, включая право на образование, ассоциации, мирные собрания, выражение мнений и убеждений, неприкосновенность частной жизни и цифровую безопасность.

41. Свобода интерпретации также является мощным механизмом обеспечения жизнестойкости в период поляризации, которая может привести к насилию, конфликтам и войнам. Она позволяет людям противостоять течению конфликта, не соглашаться с искажением и использованием их религии или убеждений для ведения войны — особенно, но не исключительно, если конфликт имеет межрелигиозные или внутрирелигиозные ассоциации — и решительно выступать за мир и права человека для всех. Содействие конструктивному взаимодействию в понимании религиозных текстов и поощрение интерпретаций с учетом

⁵⁴ CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, п. 1.

⁵⁵ A/77/514.

⁵⁶ Резолюция 47/135 Генеральной Ассамблеи, приложение.

⁵⁷ Резолюция 47/135 Генеральной Ассамблеи, приложение, ст. 3 2); E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2, п. 54.

⁵⁸ Appleby, “Religion and global affairs” (see footnote 25).

⁵⁹ CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, пп. 1 и 3–4; Caroline Roberts, *Freedom of Religion or Belief in the European Convention on Human Rights* (Cambridge University Press, 2023).

⁶⁰ CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, п. 2; A/HRC/40/58, annex I, para. 10.

«глобализированного мира, состоящего из все более мультикультурных и мультирелигиозных обществ»⁶¹ содействует достижению этой цели.

IV. Какое значение вопросы религии и мира имеют для государств в связи с их обязательствами в отношении свободы религии или убеждений

42. Рассмотренные выше в разделе III наблюдения об амбивалентности и роли религии в конфликте могут быть уместны в области международных отношений, исследований мира и политологии, но они также имеют решающее значение для обеспечения свободы религии или убеждений. Это особенно актуально, поскольку понимание взаимосвязи между конфликтом и религией явным образом или имплицитно влияет на подход государств к вопросам религии или убеждений и общинам.

43. Имеющие большую сферу охвата и основанные на стереотипных представлениях трактовки вопросов взаимосвязи религии и отсутствия безопасности, конфликтов и войн, к сожалению, накладывают глубокий отпечаток на отношение государств к своим обязательствам касательно свободы религии или убеждений.

44. И это несмотря на то, что, согласно статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, свобода религии или убеждений не может быть предметом отступления, даже во время чрезвычайного положения в государстве, и что свобода религии или убеждений и безопасность являются «взаимодополняющими, взаимозависимыми и взаимоукрепляющими целями, которые могут и должны достигаться вместе»⁶². Это наиболее очевидно, когда безопасность понимается в ее многочисленных аспектах⁶³, а не сводится к «национальной безопасности». Для обеспечения безопасности на устойчивой основе однозначно требуется обеспечить полное соблюдение прав человека, равенство и доверие со стороны тех, кто находится под соответствующей юрисдикцией⁶⁴.

45. Явным образом или подразумеваемо многие государства делают выбор между «хорошей религией» и «плохой религией», что приводит к тому, что защита свободы религии и убеждений некоторых людей становится более приоритетной, чем других, а также к сохранению дискриминации и неравенства. Сложности в этом отношении включают наличие государств, в которых признается только одна религия или идеология или закрытый список из нескольких религиозных или мировоззренческих общин. Другие религии или идеологии не признаются, и это неизбежно приводит к дискриминации в отношении них, хотя такая дискриминация может быть не прямой, а проявляться в форме нарастания числа ущемлений и исключений. Государства создают иерархию и другими способами, криминализируя некоторые религии или убеждения или определяющие религиозные практики их членов. Это могут быть огульные обвинения в экстремизме и терроризме, запрет на ведение деятельности или запрет на проведение собраний и совершение религиозных обрядов членами общины. Некоторые национальные уголовные законы также запрещают богохульство или вероотступничество и предусматривают суровые наказания за эти деяния, включая смертную казнь, что противоречит международно-правовым нормам, в которых в явном виде предусматривается защита свободы каждого человека менять

⁶¹ A/HRC/40/58, annex II, commitment III.

⁶² OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights, Freedom of Religion or Belief and Security: Policy Guidance (see footnote 20).

⁶³ Ibid., p. 9.

⁶⁴ Ibid., p. 7.

религию или убеждения без какого-либо принуждения. Отказ в регистрации общин может лишить их возможности проводить мероприятия, собираться и объединяться, а также ограничить их возможность исповедовать свою религию или убеждения, защита которой предусмотрена в международном праве прав человека⁶⁵. Кроме того, ограничения на открытую демонстрацию своей религии или убеждений часто вводятся государствами таким образом, что это резко противоречит международно-правовой основе для законных ограничений. Любые ограничения должны соответствовать закону, быть необходимыми, соразмерными и недискриминационными по своему характеру, а также вводиться наименее ограничительным способом исключительно в целях защиты общественного порядка, здоровья или нравственности⁶⁶, а также прав и свобод других лиц. Государства также должны уважать права лиц, принадлежащих к религиозным или мировоззренческим меньшинствам⁶⁷, без дискриминации и в контексте равного осуществления других прав человека, включая право на надлежащую правовую процедуру, равную защиту закона и равенство перед законом.

46. В докладах о посещении стран и письмах с информацией о возможных нарушениях, которые мандатарий представлял на протяжении многих лет, обращается внимание на целый ряд ограничений и нарушений свободы религии и убеждений, которые совершаются якобы во имя укрепления безопасности. Отказ в регистрации и отмена регистрации религиозных или мировоззренческих общин по соображениям национальной безопасности по-прежнему вызывают обеспокоенность в ряде государств. В 2017 году мандатарий выразил обеспокоенность решением Верховного суда одной из стран о ликвидации центра, принадлежащего к религиозной или мировоззренческой общине, и всех его местных подразделений по обвинению в «экстремизме»⁶⁸ на основании того, что распространяемые ими религиозные материалы «[разжигали] религиозную рознь и содержали пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их отношения к религии»⁶⁹. Это спровоцировало волну судебных преследований членов организации по всему миру⁷⁰. В августе 2023 года мандатарий выразил обеспокоенность в связи с аннулированием статуса юридического лица около 310 некоммерческих организаций, связанных с одной из религиозных общин, в контексте обвинения руководства общины в «поощрении террористов»⁷¹. Мандатарий также выразил обеспокоенность в связи с законодательными инициативами, которые наделяют власти правом отказывать в перерегистрации религиозных организаций, в частности по соображениям национальной безопасности⁷². Мандатарий также выразил обеспокоенность в связи со случаями, когда религиозным организациям приходится проходить

⁶⁵ Резолюция 36/55 Генеральной Ассамблеи, ст. 6; CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, п. 4.

⁶⁶ Однако такие ограничения не должны основываться на принципах нравственности, вытекающих исключительно из одной единственной религии или системы убеждений (CCPR/C/GC/34, п. 32).

⁶⁷ Резолюция 47/135 Генеральной Ассамблеи, статьи 2–4.

⁶⁸ УВКПЧ, сообщения, направленные правительству Российской Федерации: AL RUS 2/2017 (ответ правительства получен 25 мая 2017 года) и AL RUS 19/2018 (ответ правительства получен 5 октября 2018 года).

⁶⁹ Ответ Постоянного представительства Российской Федерации при Отделении Организации Объединенных Наций и других международных организациях в Женеве на сообщение УВКПЧ AL RUS 2/2017.

⁷⁰ УВКПЧ, сообщения, направленные правительству Российской Федерации: AL RUS 19/2018 (ответ правительства получен 5 октября 2018 года); AL RUS 22/2018 (ответ правительства получен 16 января 2019 года); AL RUS 2/2020 (ответ правительства получен 5 августа 2020 года).

⁷¹ УВКПЧ, сообщение AL NIC 2/2023, направленное правительству Никарагуа.

⁷² УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Кыргызстана (OL KGZ 6/2023) и Беларуси (OL BLR 7/2023).

обременительную процедуру подачи и рассмотрения заявлений, чтобы вести легальную деятельность, и когда власти используют слишком широкие дискреционные полномочия для отказа в удовлетворении заявлений и отмены регистрации религиозных или мировоззренческих общин⁷³.

47. Как неоднократно подчеркивали мандатарии, особенности более широкого контекста контртеррористической и антисепаратистской политики и политики, направленной против насильственного экстремизма, а также слишком широкий характер запретов на «подстрекательство» и «язык ненависти» могут привести к ограничениям на открытое проявление религиозной или мировоззренческой принадлежности, которые несовместимы с международным правом прав человека. Мандатарий неоднократно выражал обеспокоенность по поводу того, что расширенное законодательство и политика в области борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом могут привести к рассмотрению вопроса о религиозных или мировоззренческих меньшинствах как проблемы в области безопасности, то есть к процессу, в результате которого религиозные или мировоззренческие меньшинства воспринимаются как угроза, требующая принятия чрезвычайных карательных правовых и политических мер⁷⁴. Это приводит к широкому спектру ограничений на открытое проявление религиозной или мировоззренческой принадлежности, многие из которых были отмечены в недавних сообщениях мандатариев, например запрет на основные религиозные практики, такие как соблюдение определенной диеты, или превращение их в индикатор угрозы⁷⁵, уголовное преследование за распространение религиозных материалов⁷⁶ или критика определенных религий, убеждений или видов практики⁷⁷. Мандатарий даже наблюдал ситуации, когда закрытие мест отправления культа и ограничения на доступ религиозных или мировоззренческих общин к местам сбора для отправления культа лишают подавляющее большинство населения возможности открыто исповедовать религию или убеждения⁷⁸. Запрет на взаимодействие религиозных лидеров с религиозными лидерами из других стран или на обучение в других странах в целях якобы поддержания «религиозного спокойствия» может оказать непропорционально сильное влияние на религии меньшинств и привести к крайней степени дискриминации⁷⁹ и даже ограничить дальнейшие возможности обучения.

48. В сообщениях мандатария также обращалось внимание на непропорциональную подозрительность, целенаправленные нападки и преследование с использованием судебной системы в отношении членов религиозных меньшинств, которых обвиняют в симпатиях к терроризму или в том, что они являются «насильственными экстремистами», «сепаратистами» или угрожают «национальной безопасности». В этом контексте мандатарий отмечал случаи ареста и помещения под стражу религиозных лидеров и представителей религиозных меньшинств и вынесения им приговоров, включая применение смертной казни, по обвинениям в терроризме, сепаратизме или «действиях, направленных

⁷³ A/HRC/55/47/Add.1 (посещение Таджикистана), пп. 34 и 35.

⁷⁴ A/73/362, п. 10. Также см. там же, пп. 21, 49 и 57; и A/HRC/46/30, пп. 23–25.

⁷⁵ УВКПЧ, сообщения, направленные правительству Китая: AL CHN 18/2019 и AL CHN 12/2022 (ответы правительства получены 16 декабря 2019 года и 7 марта 2023 года соответственно).

⁷⁶ УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Кыргызстана (AL KGZ 4/2021) и Российской Федерации (AL RUS 19/2018).

⁷⁷ УВКПЧ, сообщение, направленное правительству Шри-Ланки (AL LKA 3/2023).

⁷⁸ A/HRC/55/47/Add.1, п. 24.

⁷⁹ Там же, п. 31.

против национальной безопасности»⁸⁰. Предвзятость и стереотипы в отношении вопросов терроризма и безопасности также могут способствовать введению административных ограничений на получение финансирования некоммерческими организациями, защищающими права религиозных или мировоззренческих меньшинств, включая финансирование со стороны частных предприятий⁸¹. В более широком смысле наметившаяся тенденция к введению ограничительных правовых рамок в отношении учреждения гражданских объединений и получения ими зарубежного финансирования представляет собой серьезную угрозу праву религиозных или мировоззренческих организаций осуществлять благотворительную, гуманитарную или правозащитную деятельность⁸².

49. Как указано в моем предыдущем докладе, государственные вооруженные силы часто оказываются непосредственно причастными к наиболее жестоким актам репрессий на основе религии или убеждений, включая акты геноцида, насильственного перемещения, принудительного обращения в другую веру, сексуального и гендерного насилия, обращения в рабство, разрушения и осквернения мест отправления культа, уничтожения домов и разграбления ресурсов религиозных меньшинств⁸³.

50. Ситуации вооруженного конфликта могут приводить к серьезным ограничениям права людей открыто исповедовать свою религию или убеждения, например в результате разрушения мест отправления культа⁸⁴. Религиозные или мировоззренческие общины также могут становиться объектом повышенного внимания и подозрений в отношении их связей с другими структурами⁸⁵, включая обвинения в членстве в террористических организациях или симпатии к ним. Подобные презумпции коллективной вины религиозных и мировоззренческих меньшинств приводят к ограничениям на их деятельность, включая гуманитарную деятельность в условиях конфликта⁸⁶, и к нападениям на их дома, имущество и места отправления культа со стороны государственных и негосударственных субъектов⁸⁷. Специальный докладчик далее вновь заявляет, что отказ от военной службы по соображениям совести подпадает под действие пункта 1 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, и подчеркивает свою озабоченность в связи с постоянно поступающими

⁸⁰ УВКПЧ, сообщения, направленные правительствам следующих стран: Египта (AL EGY 14/2021); Шри-Ланки (AL LKA 2/2021 (ответ правительства получен 7 сентября 2021 года)); Саудовской Аравии (AL SAU 5/2022 (ответ правительства получен 25 мая 2022 года)); Ирана (Исламская Республика) (AL IRN 27/2022 (ответ правительства получен 25 мая 2023 года)); и Китая (AL CHN 8/2023 (ответ правительства получен 31 августа 2023 года)).

⁸¹ УВКПЧ, сообщение, направленное правительству Франции (OTH 132/2023).

⁸² См., например, [CCPR/C/EGY/CO/5](#), п. 49; и ОНЧР, “Georgia: United Nations experts condemn adoption of Law on Transparency of Foreign Influence”, 15 May 2024, URL: www.ohchr.org/en/press-releases/2024/05/georgia-un-experts-condemn-adoption-law-transparency-foreign-influence.

⁸³ [A/78/207](#), п. 52. Более подробную информацию см. в документе [A/HRC/49/44](#).

⁸⁴ УВКПЧ, сообщение, направленное правительству Российской Федерации (AL RUS 18/2022).

⁸⁵ УВКПЧ, сообщение, направленное правительству Украины (AL UKR 1/2023 (ответы правительства получены 22 января и 20 июня 2024 года)).

⁸⁶ УВКПЧ, сообщение, направленное правительству Филиппин (AL PHL 4/2023 (ответ правительства получен 29 декабря 2023 года)).

⁸⁷ УВКПЧ, сообщение, направленное правительству Украины (AL UKR 1/2023 (ответы правительства получены 22 января и 20 июня 2024 года)).

сообщениями об отказе в этом праве в ситуациях вооруженного конфликта и в последующий период⁸⁸.

51. В рамках своих страновых визитов мандатарий обратила внимание на тенденцию в ряде государств к применению интервенционистского подхода и попыткам «управлять» религиозными общинами, опасаясь религиозного «экстремизма» или терроризма. В ходе одной из страновых поездок в 2014 году страх перед религиозным экстремизмом и терроризмом был приведен в качестве оправдания для крайне интрузивных методов «управления религиозным плюрализмом» и регулирования деятельности религиозных общин, в которых почти не учитываются обязательства в отношении обеспечения свободы религии или убеждений⁸⁹. Этот подход был охарактеризован как направленный на обеспечение «стабильности», «спокойствия» и «гармонии». В международном праве четко определяются строгие параметры ограничений, которые могут быть законно наложены на право свободно исповедовать религию или убеждения⁹⁰. Однако власти, по-видимому, считали, что для осуществления этого права необходимо предварительное разрешение государства⁹¹. В другой стране, которую посетила мандатарий, была выявлена практика частых ссылок на неопределенные «интересы большинства» или интересы «национального единства и согласия» или угрозу «общественного беспорядка», которые использовались для оправдания ограничений свободы религии или убеждений⁹². Нечеткие формулировки в уголовных кодексах могут приводить к тому, что члены религиозных или мировоззренческих общин подвергаются ограничениям в отношении их права исповедовать свою религию или убеждения, а также к арестам или содержанию под стражей тех, кто сопротивляется ограничениям в соответствии со своей свободой религии или убеждений⁹³, причем такая ситуация сохраняется на протяжении многих лет⁹⁴.

52. В ходе одной из страновых поездок в 2019 году⁹⁵ была отмечена высокая степень вмешательства государства в управление мечетями, в том числе в отношении тем пятничных проповедей (хотя полное регулирование содержания проповедей не проводилось), при этом некоторые мирные практики, поощряемые религией, были определены как экстремистские⁹⁶. В ходе посещения другой страны стало ясно, что сильное вмешательство государства в дела религиозных общин фактически направлено против тех, кто стремится практиковать свою религию способами, выходящими за рамки, установленные властями⁹⁷, и что такой чрезмерный контроль может создать условия, которые приведут к поднятию недовольства до уровня, повышающего риск насилия. Напротив, уважение свободы религии или убеждений ведет к гармоничной и насыщенной общественной жизни, активно способствуя развитию, миру и взаимопониманию.

⁸⁸ УВКПЧ, сообщения, направленные правительству следующих стран: Украины (AL UKR 1/2023 (ответы правительства получены 22 января и 20 июня 2024 года)); Туркменистана (AL TKM 2/2020). Важнейшую роль в этом сыграла работа Бюро квакеров при Организации Объединенных Наций.

⁸⁹ A/HRC/28/66/Add.1 (миссия в Казахстан), п. 16.

⁹⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 18, п. 3.

⁹¹ A/HRC/28/66/Add.1, п. 22.

⁹² A/HRC/28/66/Add.2 (миссия во Вьетнам), п. 76.

⁹³ Там же, пп. 23–25 и 73.

⁹⁴ УВКПЧ, сообщения, направленные правительству Вьетнама: VNM 2/2023 и VNM 4/2022 (ответ правительства получен 27 июля 2023 года).

⁹⁵ A/HRC/40/58/Add.1 (миссия в Тунис), п. 58.

⁹⁶ Там же, п. 45.

⁹⁷ A/HRC/55/47/Add.1 (миссия в Тунис), п. 43.

53. В ряде страновых докладов, представленных мандатарием, говорится о ситуациях, когда в политическом дискурсе и СМИ некоторые религии представляются как более склонные к насилию, чем другие. Это может быть связано с тем, что некоторые политические партии связывают иммиграцию с ростом насилия, а средства массовой информации ассоциируют представителей религиозных или мировоззренческих меньшинств, таких как мусульмане, с терроризмом и дискриминацией в отношении женщин⁹⁸. Интервью с мужчинами-мусульманами показали, что они чувствуют, что общество в целом воспринимает их как «опасных террористов» или «угнетателей женщин»⁹⁹. Средства массовой информации, как представляется, изображают радикальные взгляды как «настоящий ислам», а мусульман с умеренными или либеральными взглядами относят к категории «исключений». На фоне негативного восприятия ислама члены мусульманских общин выразили обеспокоенность тем, что они ассоциируются с отсталостью, экстремизмом, дискриминацией в отношении женщин, насилием и терроризмом¹⁰⁰. В их стремлении бороться с насильственным экстремизмом и социальным насилием, которые нельзя ассоциировать с определенными религиями или убеждениями, государства не могут позволить себе игнорировать силу и ресурсы, которые можно извлечь из многообразия. Мандатарий ранее предостерегал государства и директивные органы от поверхностных обобщений относительно связи между религией и конфликтом, которые могут способствовать «религионизации» конфликтов и закреплению трактовок одной или нескольких сторон в конфликте¹⁰¹.

V. Актуальность свободы религии или убеждений для мира, в отличие от религии как таковой

54. Общеизвестно, что полное соблюдение прав человека является необходимым условием мира¹⁰², хотя необходимо уточнить, какое особое значение для мира представляет собой свобода религии или убеждений, а не просто «религия».

55. Хотя существует множество политических подходов, которые пытаются мобилизовать силу и влияние религиозных или мировоззренческих традиций и институтов в отношении предотвращения, смягчения или разрешения конфликтов, эти подходы не обязательно эквивалентны подходу на основе принципа свободы религии или убеждений или правозащитному подходу. Поэтому стоит выделить элементы, которые являются неотъемлемыми частями и характеристиками подхода, основанного на принципе свободы религии или убеждений. Три таких элемента являются основополагающими.

56. Во-первых, следует подчеркнуть, что статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах защищает свободу мысли, совести, убеждений и религии. Люди пользуются защитой в отношении их неотъемлемого права исповедовать, изучать и развивать свои морально-этические воззрения как в рамках какой-либо религиозной или мировоззренческой традиции, так и вне ее. Уважение к свободе мысли, совести, убеждений и религии позволяет развивать этические и моральные позиции, выходящие за рамки статус-кво.

⁹⁸ A/HRC/55/47/Add.2 (миссия в Швецию), п. 61.

⁹⁹ Там же, п. 46.

¹⁰⁰ A/HRC/34/50/Add.1 (миссия в Данию), п. 33.

¹⁰¹ A/HRC/49/44, пп. 3 и 79 а).

¹⁰² Резолюция 53/243 Генеральной Ассамблеи, п. 1 с).

57. Во-вторых, несмотря на широкое распространение «межрелигиозных» и «межконфессиональных» инициатив и диалогов, подход, основанный на свободе религии или убеждений, в большей степени учитывает различные нюансы и является более инклюзивным. Применение положений статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах «не ограничивается традиционными религиями или религиями и убеждениями, которые по своим организационным формам или практике аналогичны традиционным религиям»¹⁰³. Важно отметить, что это включает религии или убеждения, которые не признаются большинством или которых не придерживается большинство, а также формы духовности коренных народов, и в рамках этого подхода обеспечивается защита разнообразия воззрений, морально-этических установок и убеждений в рамках религиозных традиций.

58. Наконец, подход, основанный на свободе религии или убеждений, воплощает неделимость и взаимосвязанность прав человека. Как таковой он должен поощрять свободу религии или убеждений таким образом, чтобы она дополняла широкий спектр других соответствующих прав человека в конкретной ситуации, включая право на недискриминацию, право на справедливое судебное разбирательство и надлежащую правовую процедуру, а также право на участие.

A. Роль свободы религии или убеждений в предотвращении конфликтов

59. Совет Безопасности призвал государства поддерживать «качественное воспитание в духе мира, в том числе разрабатывая и реализуя стратегии, призванные обеспечивать, чтобы образовательные системы способствовали... свободе религии или убеждений»¹⁰⁴. Путем поощрения обмена опытом и знаниями между религиозными или мировоззренческими общинами инициативы под руководством гражданского общества могут сыграть важнейшую роль в разрушении мифов и стереотипов, которые могут способствовать возникновению конфликтов на местном уровне¹⁰⁵.

60. Свобода религии или убеждений предполагает правовую защиту, уважение и реализацию прав всех, в том числе религиозных или мировоззренческих меньшинств. Приведение конституционного и правового порядка в соответствие с принципом свободы религии или убеждений и другими соответствующими правами человека, а также осуществление этих прав является обязательством немедленного характера в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах. Такой подход также позволяет устранить недовольство и неравенство меньшинств и обеспечивает надежную защиту от возникновения недовольства и, следовательно, от возможности того, что такое недовольство

¹⁰³ CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, п. 2.

¹⁰⁴ Резолюция 2686 (2023) Совета Безопасности, п. 8. Например, см. методологию коллегиального обучения, представленную в работе Ibrahim Salama and Michael Wiener, “‘Faith for Rights’ in armed conflict: lessons from practice”, *Journal of Human Rights Practice*, 7 June 2023.

¹⁰⁵ См., например, Fathima Azmiya Badurdeen, “Harnessing local traditional beliefs in environmental advocacy and peacebuilding: FORB interventions in Indonesia and Kenya”, University of Groningen, The Religion Factor blog, available at www.rug.nl/research/centre-for-religious-studies/research-centres/centre-religion-conflict-globalization/blog/harnessing-local-traditional-beliefs-in-environmental-advocacy-and-peacebuilding-forb-interventions. См. также работу следующих структур: the Joint Initiative for Strategic Religious Action, Religions for Peace, the Network for Religious and Traditional Peacemakers, the Institute for Global Engagement, the Religious Freedom and Business Foundation, the Forum for Promoting Peace in Muslim Societies, Love Your Neighbor Community, Globethics and Tearfund.

приведет к нестабильности или даже насилию или будет использовано в конфликте или в его эскалации¹⁰⁶.

61. Именно там, где уважается свобода мысли, совести, религии и убеждений, больше шансов на появление альтернативных движений и промировотворческих нарративов, а общественность с меньшей вероятностью будет подвержена воздействию политических стратегий, в которых разделение, ненависть и отчуждение на основе религии или убеждений используются в качестве инструмента. Защита свободы религии или убеждений создает возможности для независимого мышления, которое «может узаконить и сохранить социальный порядок» или «бросить вызов обществу и правительству»¹⁰⁷. Это «ценный ресурс для атеистов, агностиков, скептиков и просто людей, которых не заботят вопросы религии или убеждений»¹⁰⁸.

62. По итогам исследования, основанного на статистическом анализе данных по 143 странам, была выявлена тесная взаимосвязь между ограничениями религиозной свободы и социальной враждебностью, а также то, что «в той степени, в которой правительства и общества ограничивают религиозные свободы, физические преследования и конфликты усиливаются»¹⁰⁹.

63. Свобода религии или убеждений также может способствовать усилиям по борьбе с экологическими факторами, вызывающими лишения и недовольство. Нехватка природных ресурсов и борьба за них часто являются одними из ключевых вопросов, которые могут стать причиной или обострить конфликты, в том числе на межконфессиональной почве, а деградация окружающей среды и изменение климата грозят сделать эту проблему еще более острой. Подход на основе свободы религии или убеждений помогает подчеркнуть как необходимость разработки планов адаптации, учитывающих вопросы, связанные с религией и конфликтами, так и потенциал действий в интересах климата на межрелигиозной основе, которые могут помочь решить эту проблему¹¹⁰.

64. Свобода религии или убеждений дает возможность присоединиться к совокупности ценностей, которых придерживается то или иное сообщество, и делать это свободно и без принуждения. Такие ценности¹¹¹ могут помочь устранить коренные причины насилия и конфликтов и задействовать источник силы для достижения глубинных основ мотивации к подъему и преобразованиям. Они могут помочь привить, вдохновить, стимулировать и поддержать ненасилие, прощение, надежду, снисходительность к недостаткам других, чувство личной ответственности, противодействие предрассудкам и нетерпимости, такое отношение к другим, как человеку хотелось бы, чтобы относились к нему самому, а также независимость мышления, способствуя тем самым положительной оценке многообразия и плюрализма. Видение, выработанное в рамках религии,

¹⁰⁶ См. A/HRC/49/46.

¹⁰⁷ Elizabeth Clark, “The impact of religion and religious organizations”, *Brigham Young University Law Review*, vol. 49, No. 1 (2023), p. 44.

¹⁰⁸ European Court of Human Rights, *Kokkinakis v. Greece*, Application No. 14307/88, Judgment, 25 May 1993, para. 31.

¹⁰⁹ Roger Finke and Jaime Harris, “Wars and rumors of wars: explaining religiously motivated violence” in *Religion, Politics, Society and the State*, Jonathan Fox, ed. (New York, Oxford University Press, 2012). См. также Roger Finke and Dane. R. Mataic, “Promises, practices and consequences of religious freedom: a global overview”, *University of St. Thomas Law Journal*, vol. 15, No. 3 (2019); Nilay Saiya, *Weapon of Peace: How Religious Liberty Combats Terrorism* (Cambridge University Press, 2018).

¹¹⁰ Elizabeth Nelson, with Daniel Ekomo-Soignet and Rachel Forster, “Climate change, conflict and freedom of religion or belief” (Search for Common Ground, June 2024).

¹¹¹ См., например, www.bahai.org/library/authoritative-texts/the-universal-house-of-justice/messages/19851001_001/19851001_001.pdf.

предоставляет «набор инструментов»¹¹² для поиска мира. Свобода религии или убеждений является ключом к этому набору инструментов, помогая защитить его и обеспечить к нему доступ.

65. В свете неделимости прав проекты, основанные на свободе религии или убеждений и направленные на предотвращение и смягчение конфликтов, могут также способствовать инклюзии в отношении представителей, лидеров, акторов и участников религиозных или мировоззренческих течений, включая голоса женщин, молодежи и меньшинств¹¹³.

66. Представители, лидеры¹¹⁴ и акторы религиозных и мировоззренческих течений уже давно способствуют предотвращению конфликтов, будь то в виде раннего предупреждения, обмена информацией о факторах, вызывающих конфликты, или предложения посреднических услуг и/или «добрых услуг» для содействия предотвращению конфликта. Межрелигиозные диалоги и сотрудничество также были признаны «ценным вкладом» в укрепление социальной сплоченности и мира, а также в предотвращение конфликтов¹¹⁵.

В. Роль свободы религии или убеждений в смягчении конфликтов

67. Если она полностью уважается, свобода религии или убеждений создает условия, в которых развиваются альтернативные представления о безопасности и мире, что противодействует нормализации милитаризации и войны в международных делах и даже в области прав человека. Такая свобода укореняет решения о справедливости в индивидуальной совести, позволяя каждому и всем иметь возможность обращаться к своей собственной совести, а не просто руководствоваться чужими суждениями: «мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира»¹¹⁶.

68. Свобода религии или убеждений поощряет глубокие размышления над вопросами совести и включает в себя динамику постоянного осознания и толкования вопросов, касающихся мысли, совести и религии. По мнению одного выдающегося ученого, занимающегося исследованием проблем мира, сравнительное преимущество религий заключается в том, что они привносят «аспект трансцендентности»¹¹⁷. Религии обладают потенциалом дать людям возможность противостоять призывам к насилию и насильственному экстремизму, особенно насилию во имя религии. Это может подорвать власть тех, кто использует религию как инструмент для получения власти. Таким образом, такой подход может обеспечить устойчивость к климату религиозного национализма, политического насилия и подстрекательства.

¹¹² Johan Galtung, speech dated 22 May 2012, sponsored by the World Council of Churches, Globethics and the Galtung Institute for Peace Theory and Peace Practice.
URL: www.oikoumene.org/news/johan-galtung-religions-have-potential-for-peace.

¹¹³ Search for Common Ground, “Freedom of religion and belief roundtables: key learnings from Search for Common Ground in Lebanon, Sri Lanka and Uzbekistan 2020–2023”.

¹¹⁴ См. Ioana Cismas, “The relevance of International law standards to religious leaders” and Gunnar M. Ekeløve-Slydal, “Broader normative bases for religious leaders to prevent hate speech” in *Religion, Hateful Expression and Violence*, Morten Bergsmo and Kishan Manocha, eds. (Brussels, Torkel Opsahl Academic EPublisher, 2023).

¹¹⁵ Резолюция 2686 (2023) Совета Безопасности, п. 4.

¹¹⁶ Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), преамбула.

¹¹⁷ Johan Galtung, speech dated 22 May 2012.

69. Свобода религии или убеждений также позволяет освободить совесть отдельных людей и общин, чтобы они могли взять на себя обязательства по защите мира даже в разгар войны. Именно не скованная ограничениями человеческая совесть способствовала формированию принципов человеколюбия в процессе ведения войны, пониманию достоинства всех и каждого без исключения и даже самого понятия «человечность»¹¹⁸. Кроме того, свобода религии или убеждений, а также независимое мышление, вовлеченность и аргументация, которые формируются на ее основе, могут способствовать расширению возможностей языка, чтобы люди могли сформулировать видение действительно прочного мира и устойчивого мира, а не просто прекращения огня в военном смысле или прекращения продажи конкретных видов оружия.

70. Представители, лидеры и акторы религиозных или мировоззренческих течений часто играют ключевую роль в смягчении конфликта и повороте к миротворчеству. Одной из таких отправных точек являются призывы к тому, чтобы религиозные объекты и места отправления культа не становились мишенью в конфликтах¹¹⁹. Другой составляющей являются призывы представителей, лидеров и акторов религиозных или мировоззренческих течений и религиозных и мировоззренческих общин и меньшинств к тому, чтобы не допустить раскола в рамках религиозных или мировоззренческих систем в целях разжигания конфликта, не говоря уже об использовании такого раскола в качестве инструмента для оправдания конфликта¹²⁰.

71. План действий религиозных лидеров и организаций по предотвращению подстрекательства к насилию, способного привести к зверским преступлениям, учитывает вышеуказанный аспект. План содержит призыв к таким лидерам и акторам вносить вклад в предотвращение, укрепление и построение мирных, инклюзивных и справедливых обществ посредством уважения, защиты и поощрения прав человека. Предусмотренные в Плате задачи включают поддержку интересов других, наведение мостов между общинами, усиление позитивных идей в «религиозных посланиях», содействие процессам предотвращения и трансформирования конфликтов, устранение давно накопившегося недовольства и претензий путем взаимодействия с общинами, создание сетей межрелигиозных лидеров и акторов для борьбы с нарушениями, совершаемыми во имя религии, и создание коалиций между такими акторами для координации действий¹²¹.

72. Члены Совета Безопасности признали, что религиозные представители, лидеры и акторы могут играть важную умиротворяющую роль в конфликтных ситуациях, а также то, что уважение свободы религии способствует укреплению доверия и взаимопонимания между общинами¹²².

¹¹⁸ Hugo Slim, “The power of humanity: on being human now and in the future”, *Humanitarian Law and Policy*, 30 July 2019.

¹¹⁹ Примеры включают Суверенный Военный орден госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского Родоса и Мальты (Суверенный Мальтийский орден).

¹²⁰ Одним из примеров является роль членов «межрелигиозного круглого стола» в Шри-Ланке в обмене межрелигиозными посланиями мира и терпимости в контексте протестов, организованных движением «Арагалая» в 2020 году. См. Search for Common Ground, “Freedom of religion and belief roundtables”.

¹²¹ Plan of Action for Religious Leaders and Actors to Prevent Incitement to Violence that Could Lead to Atrocity Crimes, sects. 8 and 9.

¹²² Резолюция 2686 (2023) Совета Безопасности, пп. 3, 12 и 15.

С. Роль свободы религии или убеждений в трансформировании конфликта и правосудии переходного периода

73. Позитивная коммуникация — это целебный инструмент для примирения и построения мира в сердцах и умах¹²³.

74. Обязанность обеспечить проведение консультаций с меньшинствами по всем затрагивающим их вопросам закреплено в стандартах, касающихся прав меньшинств. Эта обязанность включает в себя обеспечение присутствия представителей тех религиозных или мировоззренческих меньшинств, которым был причинен серьезный и целенаправленный вред, за столом мирных переговоров, в процессе отправления правосудия переходного периода и в процессе строительства нового будущего после окончания конфликта. В рамках подхода, основанного на свободе религии или убеждений, часто поощряется взаимодействие с группами, которые могут быть непропорционально затронуты конфликтом, например с женщинами из числа коренных народов и религиозными меньшинствами. Вовлечение таких групп в мирные переговоры может значительно обогатить эти процессы и способствовать укреплению устойчивого мира и безопасности¹²⁴.

75. Совет Безопасности рекомендовал Генеральному секретарю обобщить и отразить передовой опыт, «касающийся участия религиозных групп, учреждений и лидеров, в том числе женщин, а также местных общин в посреднической деятельности при заключении и осуществлении мирных соглашений, в инициативах по предотвращению и разрешению конфликтов, примирению, восстановлению и миростроительству и в усилиях по устранению коренных причин конфликтов»¹²⁵.

VI. Рекомендации

76. **Специальный докладчик рекомендует государствам:**

а) **помнить о многочисленных международных нормативных документах, в которых признается, что мир основывается на уважении свободы религии и убеждений и уважении разнообразия религий и убеждений;**

б) **обеспечить, чтобы любые субъекты — будь то государственные или иные, — призывающие к войне или насилию, в том числе во имя религии или убеждений, привлекались к ответственности в независимом суде и в соответствии с международными стандартами в области прав человека и чтобы любым жертвам таких нарушений предоставлялась адекватная компенсация;**

в) **привести свой конституционный и правовой порядок в соответствие с международными нормами в области прав человека в части, касающейся свободы религии или убеждений;**

д) **защищать всех людей, включая лиц, принадлежащих к религиозным или мировоззренческим меньшинствам, от преследований на основании религии или убеждений и, кроме того, обеспечивать, чтобы государственные субъекты воздерживались от того, чтобы рассматривать лиц,**

¹²³ A/HRC/40/58, annex I, para. 20.

¹²⁴ См., например, Rosa Emilia Salamanca, “Indigenous women and Colombia’s peace process: pathways to participation” (London, Conciliation Resources, June 2017).

¹²⁵ Резолюция 2686 (2023) Совета Безопасности, п. 15.

принадлежащих к религиозным или мировоззренческим меньшинствам и общинам, как угрозу безопасности, и вместо этого относились к ним в соответствии с принципом равенства;

e) обеспечивать неукоснительную защиту от законов и политики расширительного характера, направленных на противодействие терроризму и насильственному экстремизму, которые предусматривают коллективную вину или ограничивают возможности открыто исповедовать религию или убеждения;

f) воздерживаться от создания и поддержания ложной дихотомии между «обеспечением безопасности» и соблюдением прав человека, включая свободу религии или убеждений;

g) быстро и эффективно рассматривать жалобы на нарушения прав человека, в том числе от лиц, принадлежащих к религиозным или мировоззренческим меньшинствам. Это необходимо в соответствии с обязательствами в области прав человека, и такой подход также служит предотвращению риска репрессий и использования неравенства для формирования недовольства, которое может быть использовано в целях начала конфликта;

h) бороться с дискриминацией по признаку религии или убеждений в законодательных актах, нормотворческой деятельности, политике и практике;

i) гарантировать свободу религии или убеждений в полной мере и в равной степени для всех в пределах своей юрисдикции и в рамках всей своей международной и транснациональной деятельности;

j) предоставить каждому человеку свободу иметь, принимать и менять свою религию или убеждения в соответствии с международными обязательствами в области прав человека, предоставлять лицам, принадлежащим к меньшинствам, право сохранять свои особенности в соответствии с международными стандартами в области прав человека и признать, что государство должно играть позитивную роль в этом отношении в целях создания благоприятной среды для осуществления таких прав, которая помогает освободить коллективное сознание от манипуляций, раскола, поляризации и инструментализации и способствует отказу от насилия и миру;

k) обеспечить каждому свободу выражения своих мыслей, совести и религии, в том числе сообщая с другими людьми и публично. Любые ограничения на открытое выражение должны строго соответствовать международно-правовым положениям в отношении законных ограничений;

l) обеспечивать качественное образование в интересах мира, в том числе путем поощрения свободы религии или убеждений, содействовать пониманию разнообразия среди и внутри религиозных и мировоззренческих сообществ, а также способствовать общественному просвещению и распространению информации в поддержку видения человеческого разнообразия как преимущества, к которому следует подходить с полным уважением и позитивным отношением, а не просто проявлять терпимость;

m) обеспечивать, чтобы голоса представителей религий или мировоззрений, лидеров, акторов и представителей общественности, в том числе женщин, молодежи и меньшинств, были услышаны и чтобы с ними консультировались в отношении всех вопросов, которые их касаются, а также в отношении общественной жизни в целом;

п) активно привлекать представителей религий или мировоззрений, лидеров, акторов и представителей общественности, в том числе коренных народов, особенно тех, кто непропорционально сильно пострадал от насилия, конфликтов и войн, к усилиям по предотвращению, смягчению и преобразованию конфликтов;

о) удвоить усилия по достижению цели 16 в области устойчивого развития и повестки дня по вопросу о женщинах и мире и безопасности.

77. Специальный докладчик призывает негосударственные субъекты:

а) продолжать реализацию инициатив, способствующих обмену опытом, обучению и совместным проектам между религиозными или мировоззренческими общинами, внутри религиозных или мировоззренческих общин и с гражданским обществом в целом, помня о том, что такие инициативы играют положительную роль в разрушении мифов и стереотипов, способствующих возникновению конфликтов как на местном, так и на более высоком уровне, и в развитии привычки к сотрудничеству;

б) способствовать предотвращению конфликтов, будь то в виде раннего предупреждения, обмена информацией о факторах, вызывающих конфликты, или предложения посреднических услуг и/или «добрых услуг» для содействия предотвращению конфликта;

в) инвестировать в усилия по борьбе с распространением заведомо ложной информации и расширению доступа к средствам массовой информации, особенно для лиц, принадлежащих к религиозным или мировоззренческим меньшинствам или к маргинализированным или уязвимым группам;

г) инициировать и развивать межрелигиозные диалоги, мероприятия и сотрудничество и участвовать в них, стремясь к постоянному повышению инклюзивности, и вносить целенаправленный вклад в содействие социальной сплоченности и миру. Такие виды деятельности оказывают особо заметное воздействие, когда они способствуют рассмотрению коренных причин недопонимания и конфликтов открытым образом. Тематические области включали деградацию окружающей среды и изменения климата;

е) призывать представителей религий или мировоззренческих систем, лидеров и акторов выступать в поддержку других, наводить мосты между общинами, продвигать позитивные идеи, устранять давние претензии посредством взаимодействия с общинами, играть примирительную роль в конфликтных ситуациях, создавать сети и коалиции, для того чтобы в координации друг с другом бороться с нарушениями, совершаемыми во имя религии или убеждений, противостоять расчеловечивающей риторике и способствовать укреплению доверия и понимания.

VII. Деятельность Специального докладчика

78. Обзор деятельности Специального докладчика за период с 1 июля по 31 декабря 2023 года представлен в ее последнем по времени докладе Совету по правам человека¹²⁶. В дальнейшем она участвовала в деятельности, изложенной ниже.

¹²⁶ A/HRC/55/47.

Организация Объединенных Наций и связанная с ней деятельность

79. В марте 2024 года Специальный докладчик представила Совету по правам человека на его пятьдесят пятой сессии свой доклад о проблеме ненависти на основе религии или убеждений¹²⁷. В ходе последующего интерактивного диалога многие государства приветствовали этот доклад и содержащиеся в нем рекомендации и выразили свою поддержку работе мандатария. Большинство государств выразили серьезную обеспокоенность ростом числа случаев пропаганды ненависти на основе религии или убеждений и упомянули о ее различных формах, в том числе пропаганду ненависти в социальных сетях. Государства отметили, что подобные случаи пропаганды ненависти на основе религии или убеждений могут серьезно подорвать мирное сосуществование. Специальный докладчик также представила отчеты о своих поездках в Таджикистан (11–20 апреля 2023 года)¹²⁸ и Швецию (11–20 октября 2023 года)¹²⁹.

80. В рамках своего выступления в Совете по правам человека в Женеве Специальный докладчик провела двусторонние встречи с 4 по 8 марта 2024 года со значительным числом представителей государств и других субъектов, включая представителей организаций гражданского общества и жертв нарушений прав человека. Она также выступала на многочисленных параллельных мероприятиях в Женеве.

81. С 13 по 16 мая 2024 года Специальный докладчик приняла участие в технической поездке в Коста-Рику, организованной Управлением Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ). Цель поездки заключалась в распространении испаноязычной версии публикации «Защита прав меньшинств: практическое руководство по разработке комплексного антидискриминационного законодательства»¹³⁰, которая содержит четкое и удобное в пользовании руководство по разработке комплексных международных законов на национальном уровне в соответствии с международными стандартами в области прав человека в этой сфере, а Специальный докладчик рассказала о своем тематическом мандате. Делегация встретила с различными заинтересованными сторонами, включая национальных партнеров, участвующих в разработке антидискриминационного законодательства или занимающихся другими вопросами в смежных областях права и разработки политики, членов парламента, представителей Канцелярии омбудсмана, Межамериканского суда по правам человека, гражданского общества и страновой группы Организации Объединенных Наций.

82. 30 мая 2024 года Специальный докладчик приняла участие в качестве эксперта в дебатах, проведенных в гибридном формате в ЮНЕСКО в Париже в рамках совместного празднования Дня Европы (9 мая) и Всемирного дня свободы печати (3 мая). В мероприятии, организованном делегацией Европейского союза при Организации экономического сотрудничества и развития и ЮНЕСКО, приняла участие группа студентов из Парижа, которые собрались для участия в конкурсе дебатов на тему свободы выражения мнений и свободы СМИ, после чего состоялась экспертная дискуссия на ту же тему с участием представителей Европейского союза, ЮНЕСКО и гражданского общества.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ [A/HRC/55/47/Add.1](#).

¹²⁹ [A/HRC/55/47/Add.2](#).

¹³⁰ OHCHR and Equal Rights Trust, *Protecting Minority Rights: A Practical Guide to Developing Comprehensive Anti-Discrimination Legislation* (New York and Geneva, 2023). URL: www.ohchr.org/en/publications/policy-and-methodological-publications/protecting-minority-rights-practical-guide.

83. Специальный докладчик укрепила свое сотрудничество с различными договорными органами. Например, она внесла вклад в подготовку совместного замечания общего порядка/рекомендации Комитета по ликвидации расовой дискриминации и Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей об обязательствах государств-участников в отношении государственной политики по предотвращению и искоренению ксенофобии и ее влияния на права мигрантов, членов их семей и других неграждан, затронутых расовой дискриминацией.

84. За период с 1 января 2024 года Специальный докладчик инициировала или поддержала 12 сообщений, направленных правительствам в связи с целым рядом нарушений права на свободу религии или убеждений¹³¹. Она также выступила инициатором или соавтором ряда пресс-релизов и других публичных заявлений по вопросам, связанным с ее мандатом¹³².

Конференции, семинары и взаимодействие со средствами массовой информации

85. За период с января 2024 года Специальный докладчик приняла участие в ряде очных конференций и других мероприятий, в том числе в Германии, Коста-Рике, Соединенных Штатах Америки и Швейцарии. Информация о некоторых из этих мероприятий приводится ниже.

86. С 24 по 26 марта 2024 года она очно приняла участие в 148-й Ассамблее Межпарламентского союза, которая проходила в Женеве. В этом контексте она была участником дискуссионной группы на специальном заседании по межрелигиозному диалогу на тему «Наведение мостов через межрелигиозный диалог в интересах более мирных и инклюзивных обществ», которое состоялось 25 марта 2024 года. Во время своего пребывания в Женеве Специальный докладчик провела двусторонние встречи с рядом национальных парламентариев и другими заинтересованными сторонами. 21 июня 2024 года Специальный докладчик приняла участие в совместном мероприятии УВКПЧ и Всемирного еврейского конгресса в соответствии с резолюцией 54/25 Совета по правам человека, которое было посвящено борьбе с антисемитизмом в контексте футбола.

87. Специальный докладчик также продолжала изучать возможности сотрудничества с региональными и международными правозащитными системами, с тем чтобы способствовать более эффективной защите свободы религии или убеждений посредством повышения информированности, согласования методов и обмена идеями и передовой практикой. Путем проведения ряда мероприятий Специальный докладчик создала основу для более тесного сотрудничества с Межамериканской комиссией по правам человека и Генеральным секретарем Организации американских государств. Во время своего пребывания в Коста-Рике в мае 2024 года она также встретила с сотрудниками Межамериканского суда по правам человека. Кроме того, мандатарий установила теплые отношения сотрудничества с Африканским союзом и продолжила взаимодействовать с Советом Европы. Она тепло приветствует возможность взаимодействия с другими региональными и субрегиональными правозащитными системами в отношении их норм, деятельности и судебной практики в области свободы религии или убеждений.

¹³¹ См. <https://spcommreports.ohchr.org>.

¹³² Более подробную информацию см. на веб-странице Специального докладчика: www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-religion-or-belief.

88. В отчетный период Специальный докладчик также углубила свое взаимодействие с инициативами гражданского общества, которые занимаются вопросами взаимосвязи между свободой религии или убеждений и устойчивым развитием, с целью разработки совместных стратегий и мероприятий.

89. Виртуальные мероприятия позволили Специальному докладчику расширить сферу своего участия и сотрудничества и получить пользу от взаимодействия с широким кругом субъектов. Она приняла участие в целом ряде встреч, тренингов и других мероприятий с различными представителями правительств и гражданского общества по всему миру, включая мероприятия, организованные постоянными представительствами при Организации Объединенных Наций. В число других организаторов входили Межучрежденческая целевая группа Организации Объединенных Наций по вопросам религии и устойчивого развития; Комнас Хам (национальная комиссия по правам человека Индонезии); Межпартийная группа по вопросам свободы религии или убеждений (Шотландия); Европейская академия религий; университетская сеть «Открытое общество»; Пан-американский фонд развития; Международное партнерство по вопросам религии и устойчивого развития; Партнерство религиозной свободы; парламент Канады; Шведский институт прав человека; Оттавский университет; Сассекский университет; университет Бригама Янга; Международная контактная группа по свободе религии или убеждений; Международный альянс за свободу религии или убеждений; Уппсальский университет; Комиссия Соединенных Штатов по международной свободе вероисповедания; и Мемориальный музей Холокоста Соединенных Штатов, а также субъекты гражданского общества, такие как Совместная инициатива партнеров по стратегическим религиозным действиям, Христианский совет Швеции, организация «Хьюман райтс уотч» (Human Rights Watch), Международное сообщество бахаи, организация «Колективо Никарагуа нунка мас» (Colectivo Nicaragua Nunca Más), организация «Глоубэтикс» (Globethics), Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, организация «Желедес — Институт чернокожих женщин» (Geledés – Instituto da Mulher Negra), Международный институт по вопросам расовой принадлежности, равенства и прав человека, Внутриобщинная профессорская группа, организация «Джубили кампэйн» (Jubilee Campaign) и организация «Аутрич эйд ту зе Америкас» (Outreach Aid to the Americas).